

моск. комсомолец - 1988 - 13 янв.

ВОПРОСЫ НА ОТВЕТЫ

М. Увернов отвечает терет в Горьковском ф-ле. н. п. Больше света!

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ЗРИТЕЛЬНОМ ЗАЛЕ

КАЖЕТСЯ, еще вчера это было невозможно.

На экране — все без изыятия члены первого Совнаркома: Рыков, Антонов-Овсеенко, Крыленко, Ногин, Луначарский, Троцкий... Тогда они были рядом. А вот уникальные кадры — поименное голосование о Брестском мире. Еще один штрих эпохи: вывеска — рабочий факультет имени Бухарина. А впереди — скорбная хроника сорок первого года... Хрущев, выступающий со своим историческим докладом на XX съезде.

Знаком времени, когда стирание белых пятен на карте истории выступило практической задачей, стал новый документальный кинофильм «...Больше света!» (авторы сценария Игорь Ицков и Марина Бабак, режиссер Марина Бабак). Фильм вышел в кинопрокат на исходе 1987 года и, что очень важно, был по существу сразу же показан по телевидению — по первой общесоюзной программе. Но... в такое время (с 16 часов 45 минут в среду), когда мало кто мог его увидеть.

Что ж, и сам фильм, и обстоятельства его выхода к зрителю несут на себе печать нынешнего дня. Нельзя отделить от сегодняшней общественной атмосферы взгляд на картину из зрительного зала. Зерно, брошенное создателями киноленты, ложится в почву нашего знания, наших вопросов и ожиданий.

Но как вместишь в полтора часа экранного времени семьдесят лет истории страны? Для этого есть, по-видимому, единственная возможность: найти единый художественный образ исторического движения, понять его общий закон и смысл. Почувствовать историю не как цепь застывших картинок, а как живой поток, влекомый определенными силами в определенном направлении. Короче говоря, открыть драматургию в самой исторической правде. Это, собственно, и имел в виду Михаил Ульянов, читающий за кадром текст от авторов, когда сказал в своем вступительном слове к картине, что создатели ее стремились рассказать о нашем прошлом «без пресловутой фигуры умолчания» — так, чтобы и в фильме, и в жизни было «больше правды, истины, реализма — побольше света». Отсюда и жанр этой ленты — историко-публицистическое повествование.

Публицистическое повествование включает в себя не только эпос, но и лирику, самовыражение: публицистика основана именно на этом. Фильм «...Больше света!» надо в равной мере и смотреть, и слушать, вникать в размышления авторов.

КАКИЕ разные люди собрались в ленинском Совнаркоме, в ЦК, как жестоко схлестывались мнения! Но Ленин им доверял, с ними работал, с ними проводил в жизнь свою новаторскую идею нэпа. Мы видим кадры старой кинохроники, запечатлевшие нэп не в пресловутых «гримахах» его, столь излюбленных фельетонистами и детективщиками, а в глубинных, существенных чертах — в возрождении деревни, города, в обновлении жизни. И как тут отделаться от вопросов: почему же нэп оказался неустойчивым и недолговечным? И что вообще произошло после смерти Ленина?

Авторы фильма рассказывают о ленинском Завещании, о том, чем обернулось для страны пренебрежение им. И, видимо, считают, что это и есть историческое объяснение. Но, думается, слишком многое в истории нам пытаются объяснить случайностями, индивидуальными особенностями тех или иных лиц. Они важны, конечно, эти особенности, но сами-то они ход истории не определяют. Есть ведь еще объективные закономерности, благодаря ко-

торым побеждает тот, а не другой вариант исторического выбора...

Кажется, у Фазила Искандера сказано, что ситуаций, когда нет выбора, в жизни не бывает — а если такая ситуация возникает, то лишь как следствие того, что когда-то выбор был сделан неправильно. Нынешняя работа исторической мысли и есть путешествие по цепи причин и следствий. Но чтобы проделать эту работу, нужно, помимо знания всей полноты исторических фактов, целостное понимание логики истории — точно так же, как и для художественного воссоздания «бега времени». Увы, история как целое в фильме постоянно расслаивается.

Страшные кадры: сбрасывают кресты и колокола с церкви, взрывают храм Христа Спасителя... Нам рассказывают о 30-х годах, о бедствиях крестьянства в годы коллективизации — но каким-то вчерашним языком, боящимся прямоты и безуклонности. Когда-то можно было говорить о «перегибах», но в 87-м году можно и не довольствоваться этим «дозировочным», насквозь метафизическим представлением об истине? «Тридцатые годы — сложные, суровые, неоднозначные». Неужто так беден русский язык?

Люди трудились, строили, сеяли, выбивались из сил, писали книги, ставили спектакли, делали открытия. Об этом рассказывают кадры старой хроники. Но история не коромысло, и сбалансировать ее нельзя. Увы, вялые, немощные, холоднокровные исторические комментарии не дают пищу для размышления.

Пожалуй, менее всего эта слабость ощущается в той ее части, где речь идет о Великой Отечественной войне. Хотя именно здесь авторам труднее всего было сказать что-то новое, доселе неизвестное. Но с переходом к послевоенным событиям «уравновешивание» возникает снова. И оно не было бы таким показательным для нашего общественного сознания, если бы не шло об руку с другими стереотипами мысли.

Так уж повелось, что мы определяем ту или иную эпоху по имени ее ведущего политического деятеля. Мы даем этим деятелям, их окружению и вообще всяким заметным людям историческую и нравственную оценку — и это естественно и справедливо. И нередко не избегаем упрощений.

Мне нравится, как объективно и продуманно сказано в фильме о такой значительной фигуре, как Хрущев, о том, что значит XX съезд в нашей истории. Немало верного сказано и показано о Сталине. Не забыть кадры, где к «отцу народов» тянет руки исступленная толпа и он равнодушно принимает ее восторг. Это официальная хроника. Что ж, воистину: объектив — объективен. Об этом думаешь и тогда, когда смотришь эпизоды с приемами и награждениями недавней, «брежневской» поры. Здесь, может быть, и голоса за кадром не нужно: все ясно и так.

Изображению конкретных фигур любого масштаба в фильме свойственна, однако, одна принципиальная слабость. Все они выглядят изолированными от вектора истории и не поняты как выразители определенных общественных сил и тенденций; нет, собственно, и попытки осмыслить сами эти силы и тенденции. Немало упрощенного и в понимании социально-психологических проблем. На празднике 20-летия Октября в 1937 году, говорят нам, «колонны словно шли с мукой и отвращением по крови товарищей». Увы, все было еще трагичнее: Сталина и утвердившийся при нем порядок не только боялись, но и любили. В плену этого затмения были многие выдающиеся люди: писал

стихи о Сталине Твардовский, искренне верил в вождя Пастернак, сочинял пьесу о нем Булгаков... Зло творилось и руками добра.

Авторы фильма не раз говорят: народ верил в избранный путь. Мне кажется, роль веры в нашей истории превозносить не следует. Ленин недаром в статье «Лучше меньше, да лучше» называл в числе лучших элементов в нашем обществе «элементы действительно просвещенные, за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести». И не слишком ли суммарен в фильме разговор о том, что думал народ в целом? Люди во все времена думают по-разному.

История не повторяется. Первый «культ» вызывал почтение; недавний — одни насмешки. Общественная мысль давно встала на ноги и ушла вперед. Фильм же, вышедший в новой обстановке, предлагает лишь в дополнение к своим предшественникам кое-что по фактам, но не по уровню мысли. Внешняя свобода авторов не соединилась с их внутренней свободой. И это тоже черта времени.

Герцен сказал, что нельзя освободить народ извне больше, чем он свободен изнутри.

Какая великая истина в этих словах.

Петр СПИВАК.

131